

Ольга Борисовна Цунеко Йокояма

США, Гарвардский университет; Калифорнийский университет в Лос Анджелесе

От зеркальных нейронов к речи: эмпатия в мозгу и в языке

Ключевые слова: перспектива, эмпатия, аллоцентричная точка зрения, транзакционная модель дискурса, нейропсихологические эксперименты.

Key words: perspective, empathy, allocentric point of view, Transactional Discourse Model, neuropsychological experiment.

Abstract

The paper examines allocentric phenomena in Polish and Russian. It is argued that they exhibit a difference between the speaker's assuming his/her own vs. another's point of view. It is suggested that the allocentric language structures are essentially homorganic to the allocentric point of view demonstrated by the behavior of mirror neurons. Following a brief report on a neuropsychological study of certain English Empathy expressions that show a correlation between linguistic empathy violations and low Empathy Quotient, the importance of exploring new methods of linguistic analysis is suggested.

Мы попытаемся в данной статье доказать наше положение о наличии категории эмпатии в языке. Эмпатия проникает все компоненты языка от звукового строя и лексики до морфологии и синтаксиса, точно так же, как якобсоновские шифтеры¹ проникают всю систему русского глагола. Мы утверждаем, что роль эмпатии в языке не ограничивается тем, что эмпатия находит в нем языковое выражение. Она также является и неотъемлемой универсальной *категорией* прагматики языка. Немаловажным фактом следует притом считать то, что биологические истоки эмпатии находятся в мозгу и что сфера проявления эмпатических ресурсов человека выходит далеко за границы языка.

В центре нашего внимания в данной статье будут языковые явления следующего типа:

1. Jest się przecież człowiekiem [Topolińska 1967].
2. Mogę pomóc [...], bo jestem zawodowym lingwistą [объявление, 2017]².

¹ Опередившую свое время статью Якобсона о шифтерах нужно считать основоположной работой по прагматике.

² www.szukaj-lektora.pl/.../cv.

3. Я разлюбил свои мечты... [Пушкин].
4. Я предаюсь моим мечтам [Пушкин].
5. I voted for me for president [интервью Б. Сандерса, 2016].
6. I would like to become myself [Baldwin 1962].

В приведенных примерах наблюдается одно различие: наличие возвратной морфемы в примерах 1, 3 и 6 и отсутствие ее в примерах 2, 4 и 5. В грамматическом отношении и те, и другие примеры правильны и разница, вносимая возвратными элементами, достаточно тонка. Она тем не менее налицо. Нашей задачей будет показать, что она соответствует различию между аллоцентричной и эгоцентричной установкой говорящего. Эмпатия проявляется здесь в том, что принимая аллоцентричную позицию в примерах 1, 3 и 5, говорящий/пишущий³ отходит от своей личной, внутренней точки зрения, эмпатизируя другому.

Описав в общих чертах понятие эмпатии в психологии и в языкознании в разделе 1, мы рассмотрим аллоцентричные данные из польского и русского языков в разделах 2 и 3. Далее в разделе 4 будет предложен анализ этих данных в рамках транзакционной модели дискурса. В разделе 5 мы вкратце ознакомим читателя с нашей экспериментальной работой на данных английского языка, содержащих нарушения принципа эмпатии; выводы будут сделаны в разделе 6.

1. Понятие эмпатии

Эмпатию имел в виду уже А. Смит, когда в 1759 году писал о силе воображения, благодаря которому человек способен морально слиться с другим индивидом. Самим же термином *Einfühlung* (эмпатия, вчувствование) мы обязаны В. Воррингеру, который назвал так истоки эстетического переживания человека (1907). Заметим, что Л.Н. Толстой опередил Воррингера, предвосхитив современное нам описание эмпатии уже в 1897 году и утверждая, что деятельность искусства основана на «способности людей заражаться чувствами других людей» (1897, гл. V)⁴. Век спустя слово *empathy*

³ Далее *пишущий* опускается.

⁴ «[...] человек смеется – и другому человеку становится весело; плачет – человеку, слышащему этот плач, становится грустно; человек горячится, раздражается, а другой, глядя на него, приходит в то же состояние. Человек высказывает своими движениями, звуками голоса бодрость, решительность или, напротив, уныние, спокойствие, – и настроение это передается другим. Человек страдает, выражая стоном и корчами свое страдание, – и страдание это передается другим; человек высказывает свое чувство восхищения, благоговения, страха, уважения к известным предметам, лицам, явлениям, – и другие люди заражаются, испытывают те же чувства восхищения, благоговения, страха, уважения к тем же предметам, лицам, явлениям. Вот на этой-то способности людей заражаться чувствами других людей и основана деятельность искусства» [Толстой 1897].

настолько вошло в обиход, что о необходимости развивать в себе эмпатию говорил не раз и президент Обама. В работах же по социологии пишут, что если человечество не разовьет в себе глобальной эмпатии, ему грозит гибель [напр. Rifkin 2009].

В когнитивных науках к эмпатии практикуется экспериментальный подход. Начало ему положили лабораторные исследования Дж. Ризцоллатти, обнаружившего в 1992 году в лобных долях т.н. зеркальные нейроны, активизирующиеся при эмпатичном переживании в тот момент, когда внимание субъекта сосредоточено на действиях другого, т.е. когда его точка зрения аллоцентрична [Rizzolatti и др. 1996]. В.С. Рамачандран, откликаясь на открытие Ризцоллатти, подчеркнул исключительную значимость зеркальных нейронов для психологии, в том числе для исследования эмпатии и происхождения языка [Oberman, Ramachandran 2008]. Следует упомянуть здесь также многочисленные исследования клинического направления, проводимые С. Бароном-Коэном, определившим эмпатию как способность вообразить мысли другого и эмоционально на них среагировать (2011).

В психологии различаются эмпатия аффективная – эмоциональное заражение, способность реагировать соответствующей эмоцией – и эмпатия когнитивная – способность представить себе эпистемологическую перспективу другого (*Theory of Mind* [Premack, Woodruff 1978]). Исследования методом функциональной магнитно-резонансной томографии подтвердили, что эти два вида эмпатии зарождаются в разных частях мозга. О языковой эмпатии однако психологи не задумывались.

Эмпатичные явления тем не менее существовали в языке если не испокон веков, то уж во всяком случае задолго до того, как их наконец заметили лингвисты, назвав их точкой зрения или перспективой. Первый структурный лингвистический анализ точки зрения в языке был сделан на материале русской литературы Б.А. Успенским в 1970 году. Далее последовали не знавшие о работе Успенского западные исследователи – Cantrall 1974, Silverstein 1976, Kuno & Kaburaki 1977, DeLancey 1981, Deane 1992, Oshima 2007 и другие. В эпоху расцвета генеративного синтаксиса изучение языковой эмпатии страдало от многообразия ее языкового проявления и от видимой «мягкотелости» самой категории, не поддающейся жесткой синтаксической формулировке. Слависты в Гарварде в 1970-е–1990-е годы однако, исследуя прагматику славянских языков⁵, изучали в том числе и эмпатию. Исследования эти показали, что польский, чешский и русский (включая и древнерусский) языки изобилуют «мягкими» категориями, требующими

⁵ Перечислим здесь работы «Гарвардской семерки» по дискурсу и прагматике славянских языков: Christensen 1993, 1994, 1995; Krivinkova King 1993, 1995, 1998; Moon 1995; Parrott 1990, 1993, 1997; Urtz 1990, 1993, 1994; Yokoyama 1975, 1980, 1981, 1986, 1999; Zaitseva 1990, 1993, 1994, 1995a, 1995b, 1999.

нового теоретического подхода. В частности в Yokoяama 1980, на данных русского языка, утверждалось, что говорящий может осветить пропозицию о себе как участнике повествуемого события с двух разных точек зрения – своей внутренней и чужой внешней. То же положение подтвердилось и на данных польского языка в работе Christensen 1994. Этому открытию, сделанному на материале славянских языков, в психологии соответствует предложенная в 2008 году Оберман и Рамачандраном гипотеза о способности мозга, при помощи зеркальных нейронов, встать на аллоцентричную точку зрения.

Именно этому положению о когнитивной способности говорящего встать на точку зрения другого, и посвящена данная статья. В частности здесь предлагается лингвистический анализ аллоцентричной точки зрения в рамках транзакционной модели дискурса, а затем приводится в качестве следующего шага экспериментальный поход к тому же вопросу на материале английского языка. Лингвистический анализ необходим прежде всего потому, что все языковые данные, а в том числе и перспектива, не могут не быть доступны последовательному лингвистическому анализу, иначе существование лингвистики было бы неоправданно. Но поскольку язык порождается мозгом и в конечном счете представляет собой явление когнитивное, перспектива должна иметь когнитивную сущность, а следовательно ее должно также подтвердить и когнитивно, точнее, нейропсихологическими методами. В наш век такой подход стал наконец возможен. Слависты сегодня могут вновь обратиться к неподдающемуся жесткой синтаксической формулировке языковому материалу, используя ставшие доступными способы экспериментального исследования языковых данных. Нейропластичность мозга, в которой теперь уже мало кто сомневается, оправдывает целесообразность попыток доказать существование категории эмпатии в языке объективным методом экспериментальной проверки «мягких» гипотез, касающихся разноструктурных языковых категорий.

2. Проявление аллоцентричной точки зрения говорящего по отношению к себе при помощи безличной конструкции с частицей *się* в польском языке

Влияние аллоцентричности проявляется при сопоставлении фраз, отличающихся разными точками зрения на высказываемую пропозицию. Подчеркнем, что когда говорящий становится на точку зрения другого, этот когнитивный акт состоится за счет не менее естественной установки на самого себя. Он

может притом проявиться даже тогда, когда речь идет о пропозиции, доминирующим элементом⁶ которой является сам говорящий.

Рассмотрим примеры 7–11⁷:

7. – Dlaczego to zrobiłeś?

– Jest się przecież człowiekiem [Topolińska 1967] (ср. Jestem przecież człowiekiem).

8. Odejdź od pieca! Co ci się mówi! (ср. Co mamusia ci powiedziała? Что тебе говорят?)

9. Niełatwo jest być odważnym – odparł Prosiaczek, lekko pociągając noskiem – kiedy jest się tylko Bardzo Małym Zwierzątkiem [Kubuś Puchatek] (ср. [...] when you are only a very small animal).

10. Było się kiedyś sławną. Teraz to wszystko minęło [Topolińska 1984].

11. Ale zanim oprzytomnieją, uderzeni świeżym powietrzem i zapachem zieleni, już im pakunki wyrywa się z rąk, ściąga się palta, kobietom wyrywa się torebki, odbiera (się) parasole.

– Panie, panie, ale to od słońca, ja nie mogę...

– Verboten – szczeka się przez zęby, sycząc głośno.

Za plecami stoi esesman, spokojny, opanowany, fachowy [Borowski].

В примере 7 показательно сопоставление с вариантом в скобках, где дана немаркированная личная конструкция с подлежащим в первом лице. Этот вариант представляет собой обычную перспективу говорящего, в нем отражена его эмпатия к самому себе. В примерах же с возвратной частицей *się* налицо его самоотчуждение. Говорящий в них смотрит на себя с точки зрения другого, т.е. аллоцентрично, что явствует и из польского *mamusia*, данного в скобках после 8, где у матери установка не на себя, а на ребенка. Причины такого отчуждения могут быть разные: в примерах 8 и 9 говорящий взывает к сознанию собеседника, чтоб направить взгляд того на говорящего по определенному руслу (в 8 – в сторону повиновения, в 9 – в сторону великодушия); в примере 10 имеет место раздвоение, говорящая выступает в своей прошлой ипостаси, в качестве той *я*, которой она некогда была; в «жестоком» контексте 11 автор пытается отмежеваться от того прошлого *я*, деяния которого сейчас ему претят – опять раздвоение личности, но на сей раз по моральным причинам. Обратим внимание читателя на то, что и в русском, и в английском эквивалентах, приведенных в скобках после польских примеров 8 и 9, употребление лица маркировано, что говорит о том, что и в этих языках имеются способы выражения аллоцентричности говорящего, хотя возвратная частица

⁶ В большинстве случаев в предложении доминирует подлежащее, но для того, чтоб не исключать безличные предложения или случаи вроде примера 17, мы используем здесь выражение *доминирующей элемент*, не определяя его однако строго; см. Yokoyma 1980: 227.

⁷ Польские примеры взяты преимущественно из Christensen 1994.

в них в данных случаях не используется⁸. Итак, мы предлагаем рассматривать примеры 7–11 как доказательство того, что в языке имеются формы, систематически кодирующие аллоцентричную точку зрения говорящего на себя.

3. Проявление аллоцентричной точки зрения говорящего по отношению к себе при помощи возвратных притяжательных местоимений в русском языке

Иной вид возвратности наблюдается при кодировании аллоцентричности в русских примерах 12, 14, 16 и 17:

12. Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты... [Пушкин].
13. Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам [Пушкин].
14. Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я! [Пушкин]
15. Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою! [Пушкин] (ср. *Mám rád mou/*svou maminku*).
16. Я не потерплю в своём доме воров! [Чехов]
17. Иные впечатления у меня от своей игры в пьесах Ибсена [Книппер].

В примерах 12–15 представлены пары с возвратными или с личными притяжательными местоимениями в схожих контекстах. Разница между фразой свои мечты (12) и моим мечтам (13) в том, что в первом случае речь идет о переживаниях – желаниях и мечтах – прошлой ипостаси поэта, того, который тогда еще желал и мечтал; точка зрения аллоцентричная, налицо раздвоение между прошлым и настоящим *я*. Во втором же случае оба *я* совпадают, переживание имеет место в настоящем времени, отсюда *предаюсь моим мечтам*. Этот разрыв между прошлым и настоящим *я* соответствует такому же разрыву в польском примере 10. На аллоцентричность точки зрения в примере 14 (не называя ее этим тогда еще не существовавшим термином)

⁸ Заметим, что в английских примерах 5–6 возвратность используется с обратным знаком: в примере 5, где Сандерс отвечает репортеру на вопрос, за кого он голосовал, он отдаляет себя от пропозиции, обезличив ее при помощи личного *me*: «избиратель Сандерс голосовал за кандидата Сандерса», а не «я голосовал за себя»; автор же автобиографии в примере 6, раскрываясь перед читателем, употребил возвратное *myself*.

указал уже Пешковский [1914: 162], утверждая, что если б Годунов сказал здесь *мою сестру*, он этим бы подтвердил истинность обвинения в убийстве ее, тогда как, говоря *свою сестру*, он лишь передает слова черни, ложного обвинения. Подобным же образом речь говорящей в 16 адресована к прислуге и приживалам, среди которых хозяйка подозревает присутствие вора. Она, как говорящий в польском примере 8, направляет свое утверждение-угрозу на сознание собеседника, как бы указывая ему, как тот должен на нее смотреть. Этой установкой на слушателя 16 резко отличается от интимной установки на самого себя в 15, где поэт раскрывается читателю, признаваясь в любви к своей героине. Заметим, что такой же интимной установкой объясняется и полная неприемлемость возвратного *svoi* в чешском предложении с таким же эмоциональным глаголом. Фраза Книппер в 17 интересна тем, что временная отдаленность описываемых событий, побудившая ее вполне уместно встать на аллоцентричную точку зрения и соответственно употребить возвратное местоимение, заставила автора пренебречь даже правилом грамматики, согласно которому *свой* должно было бы относиться к подлежащему данного предложения, т.е. к слову *впечатления*. В русских примерах таким образом оперирует одна а та же категория аллоцентричности, что и в польском, выражаемая опять-таки возвратностью.

4. Анализ в рамках транзакционной модели дискурса

Опишем же теперь данные различия в рамках транзакционной модели дискурса. В примерах 7–17 речь идет о первом лице, которое, не выступая в качестве грамматического подлежащего в польских примерах и не всегда выступая в качестве грамматического подлежащего в русских, тем не менее осязательно выступает в доминирующей роли в каждом приведенном предложении. Рассмотрим референциальное знание {ДЕЙКСИС}, содержащееся в когнитивном множестве $C_a \cap C_b$ в момент, предшествующий приведенным высказываниям⁹. Согласно модели, каждый член множества {ДЕЙКСИС} ассоциируется с набором неких знаний, выражаемых пропозициями. Так знание

⁹ Под референциальным знанием имеется в виду знание кода, по которому говорящий или собеседники определяют данный уникальный референт. Под формулой {ДЕЙКСИС} подразумевается набор референциальных знаний {я, ты, здесь, сейчас}, минимально нужный для осуществления дискурса; в результате когнитивных транзакций в продолжение дискурса в пересечение $C_a \cap C_b$ попадают и другие единицы референциальных знаний. Пересечение $C_a \cap C_b$ представляет собой подмножество активизированных знаний собеседников А и В, общих и для А, и для В. Объем данной статьи не позволяет предварить приведенный здесь анализ подробным описанием транзакционной модели; см. полное описание ее в Йокояма 2005, гл. 1.

{я} ассоциируется у меня, скажем, с такими пропозициями как [[я – лингвист]], [[я родилась в Харбине]], [[я когда-то была худенькой девочкой с косичками]] и т.п. Соответственно и {ты} ассоциируется у меня с определенным набором пропозиций. Существенно то, что кроме пропозиций, определяющих «тебя» в моем множестве {ДЕЙКСИС}, референциальное знание {ты} ассоциируется у меня также и с эпистемологической инфомацией о «тебе». Так я знаю, что где-то в твоём наборе знаний хранится референциальное знание определенного лица под другой «наклейкой», чем та, под которой референциальное знание того же лица хранится у меня в общем наборе моих знаний. Когда мать спрашивает у ребенка «Папа звонил?», она использует этикетку «папа», под которой референциальное знание этого человека хранится у ребенка; если б она использовала свою собственную этикетку, то она б спросила у ребенка «Борис звонил?». Этого однако мать никогда не сделает, ибо, зная, под какой этикеткой хранится у ребенка референциальное знание ее мужа, она обязательно встанет на точку зрения ребенка, отдав ей предпочтение перед своей. Поступая так, мать эмпатизирует ребенку и действует аллоцентрично.

Эти соображения подводят нас очень близко к объяснению примеров 7–17. Начнем с примеров 8 и 16. В них у говорящего в $C_a \cap C_b$ содержится свое собственное референциальное знание {я}, ассоциирующееся, скажем, с такими пропозициями как [[я любящая мать]], [[я хорошая хозяйка]]. Там также содержится и референциальное знание {я'}, обозначив этим знаком референциальное знание говорящего, каким оно имеется у адресата. Это знание, скажем, ассоциируется с такими пропозициями как [[{я'} строгая мать]], [[{я'} властная хозяйка]]. Порождая фразы 8 и 16, говорящая исходит из референциального знания {я'}, а не {я}, ибо установка у нее на адресата, в соответствии с ее намерением воздействовать на него. Отходя таким образом от своего {я} и принимая установку на {я'}, говорящая проявляет аллоцентричность. Разница между польским и русским языком в данном случае состоит лишь в том, что в польском при аллоцентричном отречении от своей точки зрения говорящий использует безличные конструкции в сочетании с частицей *się*, в то время как в русском он прибегает к возвратным притяжательным, сохраняя личный синтаксис с его согласованием. Эта разница по сути – случайность, происходящая от разницы в грамматике этих двух языков¹⁰. (То, что содержание, а следовательно и лексический состав польского и русского примеров в других отношениях рознятся, несущественно).

¹⁰ И в польском или русском языках имеются и другие способы для кодирования аллоцентричности. Так в примере *Jolanta Fajkowska ma swój program. Piękną dziennikarkę będzie można także oglądać na antenie TV Polonia* [Szumska 2013: 171], как указывает автор, два разных референтных выражения, относящихся к одному лицу, обусловлены сдвигом точки зрения, происшедшим при переходе от первого ко второму предложению. Отметим, что в первом предложении точка зрения скорее всего Йоланты, во втором же она явно находится вне Йоланты, отражая установку телезрителя.

Подобным же образом моделируются и другие случаи. Примеры 7 и 9 параллельны примерам 8 и 16: в них говорящий вместо своего собственного {я} принимает {я'} адресата, порождая в результате безличную конструкцию в сочетании с частицей *się* в польском и возвратное притяжательное в русском. В примерах 10–12 и 17 на передний план выступает {я'}, отстоящее от {я} во времени или в моральной установке. Формулируя пропозицию с точки зрения {я'}, говорящий отходит от настоящего, текущего {я}, что и порождает опять возвратность. Выбор говорящего в примере 15 отражает обратное решение: он отдает предпочтение актуальному референциальному знанию {я}, что отражается в выборе им личного *moją*. Пример 14 отличается тем, что предпочтенное Годуновым референциальное знание {я'} проистекает не от набора знаний адресата, а от набора знаний третьего лица, черни. Перед данным высказыванием чернь и ее отношение к Годунову уже введены в пересечение $C_a \cap C_b$, следовательно в нем уже содержится как референциальное знание {чернь}, так и ассоциирующиеся с ней знания, а в том числе и {я'} как чернь его себе представляет. Отойдя от своей собственной точки зрения и приняв точку зрения черни, Годунов говорит *свою сестру*. Если б он сказал *мою*, пропозиция была бы сказана с точки зрения {я}, подлинного Годунова. Именно поэтому и утверждал Пешковский, что, сказав *мою сестру*, Годунов признал бы суд черни.

Проверим предложенный выше анализ на примерах, в которых речь идет не о первом, а о третьем лице:

18. Słysząc kroki na schodach,
ale to nie te. [...]
Do wszystkich szaf się zajrzało.
Przez półki (się) przebiegło.

Wcisnęło się pod dywan i sprawdziło (się) [Szymborska].

19. Ему одному, председателю, доставалось от семеноводки. Она сознавала прочное ее положение в колхозе и командовала правлением [Кочетов].

В примере 18, где доминирующим актантом является третье лицо «кот», представлена несобственно прямая речь (*mowa pozornie zależna, style indirecte libre, Erlebte Rede*). Повествуя нам о действиях и мыслях кота, введенного ранее в контекст, поэтесса стоит перед выбором: или исходить из своего собственного референциального знания {кот} или же отказаться от своей точки зрения и принять точку зрения кота, в когнитивном множестве которого имеется иное референциальное знание, а именно {кот' (=я)}. Поэтесса выбирает последнее, что и приводит здесь к несобственно прямой речи с ее возвратными конструкциями. В русском примере 19, где личное *ее* является нарушением нормативного правила, требующего здесь *свое*, тоже представлена несобственно прямая речь. Пытаясь объяснить себе причину конфликтного поведения семеноводки, удрученный председатель колхоза отторгается от ее

перспективы, представляя положение исключительно со своей точки зрения. Из двух возможностей, {семеноводка} и {семеноводка'(=я)}, первая являет собой референциальное знание председателя, а вторая – референциальное знание самой семеноводки, каким его себе представляет председатель. В данном случае председатель выбирает свое знание {семеноводка}, что и приводит его к личной форме *ee*¹¹. Возвратное *свое* было бы здесь нарратологически неверно, нарушив перспективу председателя. Оба примера таким образом показывают, что те же прагматические факторы, которые кодируются частицей *się* в польском языке, оперируют и в русском языке при условиях самоотчуждения говорящего и что в транзакционной модели дискурса они анализируются одинаковым образом.

5. Кратко об эмпатии «симметричных предикатов» в английском языке

В 2014–2016 годы мы с сотрудником проф. Эраном Заиделом (UCLA Brain Research Institute) провели нейропсихологические опыты на материале английского языка. Измерялась реакция носителей языка на предложения с «симметричными» предикатами, истинность которых не менялась при обмене местами подлежащего и прямого дополнения, например *I dated John* и *John dated me*. Опыты были двух видов, поведенческий и инструментальный, последний при помощи электроэнцефалограмм (ERP, *potencjały wywołane*). Прежде чем подопытных (общим числом 81 чел.) подвергать экспериментам, измерялся их коэффициент социальной эмпатии (EQ) методом, разработанным Бароном-Коэном и Уилрайт (2004) для диагноза некоторых видов аутизма. Приблизительно у четверти наших испытуемых EQ оказался пониженным.

Как известно из принципов эмпатии, предложенных Куно (1987), в нулевом контексте, т.е. не вводя третье лицо *John*, естественным должен быть вариант с подлежащим в первом лице, т.е. *I dated John*. Вариант же с подлежащим в третьем лице *John dated me* оценивается в нулевом контексте как странный, несмотря на то, что в грамматическом отношении он столь же безупречен, сколь и первый. Наша гипотеза состояла в том, что в нулевом контексте при виде на экране предложений типа *John dated me*, нарушающих принцип эмпатии, носители языка оценят предложения с нарушениями ниже предложений без нарушений и что при их реакции на первые обнаружится подъем волны вызванного такими нарушениями электрического потенциала, чего при виде

¹¹ Заметим, что в ранних изданиях этого «колхозного» романа здесь было именно *ee*, которое было «поправлено» на *свое* в изданиях, появившихся после того, как этот пример был приведен в качестве ошибки Финкелем и Баженовым; см. Йокояма 1980: 223.

предложений без нарушений принципа эмпатии не произойдет. Мы также предположили, что часть подопытных не среагирует на нарушения принципа эмпатии и что эта группа окажется как раз той, у которой EQ ниже нормы.

Анализ всех 64-х электродов еще не закончен, но статистический анализ результатов поведенческого опыта подтвердил гипотезу об относительно низкой оценке средним подопытным предложений с нарушением принципа эмпатии [Канн и др. 2018]. Особенно интересным оказалось подтверждение нашего предположения, что участники эксперимента, EQ которых был значительно ниже нормы, проявят чрезмерную терпимость к нарушению языковой эмпатии, иначе говоря, что у них относительно понижена чувствительность к такого рода нарушениям. Этот результат говорит о том, что явление социальной эмпатии, аффектной по своему существу, пересекается с языковой эмпатией, являющейся явлением когнитивным. Он также свидетельствует о возможности исследования эмпатии в других языках.

6. Выводы

Наиболее интересными с когнитивной точки зрения представляются приведенные здесь аргументы в пользу признания в языке различия между референциальным знанием {я} и {я'}, а также аналогичного различия между {он} и {он'} и т.д. То, что различие, независимо выводимое из постулатов транзакционной модели дискурса, предоставляет нам возможность последовательно объяснить предлагаемые здесь явления языковой аллоцентричности, а также предлагаемую нами универсальную категорию перспективы/эмпатии, является сильным аргументом в пользу наших гипотез. То, что впервые обнаруженная нами в 1980 году на основании данных русского языка способность говорящего отойти от собственной точки зрения и встать на точку зрения другого 30 лет спустя совпала с функцией обнаруженных психологами в лобных долях зеркальных нейронов (введя в научный обиход понятия аллоцентричности точки зрения), особенно убедительно говорит в пользу обоснованности лингвистического анализа.

Окончательное доказательство наших гипотез еще впереди. Опыты над эмпатией в английском языке однако показывают мощный потенциал экспериментального метода при объективном изучении «мягких» категорий в языке. Славянские языки, изобилующие выражениями эмпатии, предоставляют богатый материал для изучения универсальной категории эмпатии. Наш опыт над эмпатией в английском языке показывает, что традиционные методы оценки языковых структур при помощи суждений и размышлений носителей языка, а также примеров, взятых исключительно из художественной литературы, упускают из виду влияние когнитивных особенностей носителей,

в частности той части их, коэффициент эмпатии у которой значительно ниже нормы. Существенно также и то, что сфера применения новых познаний об эмпатии велика – от нарратологии до диагностики некоторых подвидов аутизма и до преодоления их путем языковых упражнений. Такое применение несомненно повысит релевантность языкознания в современном практически мыслящем обществе.

Литература

- Baron-Cohen S., 2011, *Zero Degrees of Empathy: A New Theory of Human Cruelty*, Penguin: Allen Lane.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S., 2004, The empathy quotient: An investigation of adults with Asperger syndrome or high functioning autism, and normal sex differences, *Journal of Autism and Developmental Disorders*, № 34.2, с. 163–175.
- Cantrall W.R., 1974, *Viewpoint, reflexives, and the nature of noun phrases*, The Hague: Mouton.
- Christensen J.L., 1993, Polish Impersonal Constructions in *się* [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 1–14.
- Christensen J.L., 1994, *Towards and Analysis of Polish się Impersonals: A pragmatic Approach*, Ph.D. Dissertation, Harvard University.
- Christensen J.L., 1995, Polish Impersonal constructions in *się* as markers of shift in point of view [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, III, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 19–39.
- Deane P., 1992, *Grammar in mind and brain: Explorations in cognitive syntax*, New York: Mouton.
- DeLancey S., 1981, An interpretation of split ergativity and related patterns, *Linguistic Society of America*, № 57.3, с. 626–657.
- Jakobson R., 1957 [1971], Shifters, verbal categories and the Russian verb, *Selected Writings II: Word and Language*, The Hague: Mouton, с. 130–147.
- Kann Т. и др., 2018 (in preparation).
- Krivinkova King K.P., 1993, The Dative of Interest in Czech: A Case of Empathy? [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 41–68.
- Krivinkova King K.P., 1995, Lacking empathy: Zero possessives and inalienables [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, III, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 67–80.
- Krivinkova King K.P., 1998, *The Czech Dative of Interest: The Hierarchical Organization of Possession in Discourse and Pragmatics*, Ph.D. Dissertation, Harvard University.
- Kuno S., 1987, *Functional Syntax: Anaphora, discourse, and empathy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Kuno S., Kaburaki E., 1977, Empathy and syntax, *Linguistic Inquiry*, № 8.4, с. 627–672.
- Moon G., 1995, The use of the ‘subject’ in Russian imperatives [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, III, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 99–126.

- Oberman L.M., Ramachandran V.S., 2008, Reflections on the mirror neuron system: Their evolutionary functions beyond motor representation [в:] Pineda J.A., *Mirror Neuron Systems: The Role of Mirroring Processes in Social Cognition. Contemporary Neuroscience*, New York: Humana, с. 39–62.
- Oshima D.Y., 2007, On empathic and logophoric binding, *Research on Language and Computation*, № 5.1, с. 19–35.
- Parrott L., 1990, Argumentative *že* in discourse [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, I, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 83–104.
- Parrott L., 1993, The Russian Vocative [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 69–92.
- Parrott L., 1997, *Discourse Organization and Inference: The Use of the Russian Particles Že and Ved'*, Ph.D. Dissertation, Harvard University.
- Пешковский А.М., 1914 [1956], *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 7, М. Учпедгиз.
- Premack D., Woodruff G., 1978, Does the chimpanzee have a theory of mind?, *Cambridge Journals: Behavioral and Brain Sciences*, № 1.4: *Cognition and Consciousness in Nonhuman Species*, с. 515–526.
- Rifkin J., 2009, *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*, New York: TarcherPerigee.
- Rizzolatti G. и др., 1996, Premotor cortex and the recognition of motor actions, *Cognitive Brain Research*, № 3.2, с. 131–141.
- Silverstein M., 1976, Hierarchy of features and ergativity, *Grammatical Categories in Australian Languages*, с. 112–171.
- Smith A., 1759 [2009], *The theory of moral sentiments*, New York: Penguin Books.
- Szumaska D., 2013, *The Adjective as an Adjunctive Predicative Expression: A Semantic Analysis of Nominalised Propositional Structures as Secondary Predicative Syntagmas*, Oxford: Peter Lang.
- Толстой Л.Н., 1897 [1951], *Что такое искусство?*, т. 30, www.tolstoy.ru, дата обращения: 9.12.2017.
- Urtz B.J., 1990, Agreement and compound subjects in Russian [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, I, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 123–143.
- Urtz B.J., 1993, Coordination strategies and Slavic *s*-constructions [в:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 93–121.
- Urtz B.J., 1994, *The Syntax, Semantics and Pragmatics of a Nominal Conjunction: The Case of Russian s*, Ph.D. Dissertation, Harvard University.
- Успенский Б.А., 1970, *Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы*, Москва: Искусство.
- Worringer W., 1907 [1919], *Abstraktion und Einfühlung*, München: Piper.
- Yokoyama O.T., 1975, Personal or reflexive? A functional analysis [в:] Kuno S. (ed.), *Harvard Studies in Syntax and Semantics I*, Cambridge: Linguistics Department, Harvard University, с. 75–112.

- Yokoyama O.T., 1980, Studies in Russian Functional Syntax, *Harvard Studies in Syntax and Semantics*, III, pt. II, Cambridge: Linguistics Department, Harvard University.
- Yokoyama O.T., 1981, On sentence coordination in Russian, *Papers from the Seventeenth Regional Meeting*, Chicago: CLS, с. 431–439.
- Yokoyama O.T., 1986, *Discourse and Word Order*, Amsterdam: Benjamins.
- Yokoyama O.T. (ed.), 1990, *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, I, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University.
- Yokoyama O.T. (ed.), 1993, *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University.
- Yokoyama O.T. (ed.), 1995, *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, III, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University.
- Yokoyama O.T., 1999, Russian genderlects and referential expressions, *Language in Society*, № 28, с. 401–429.
- Zaitseva V.A., 1990, Conditions for the presence of the Dative NP in Russian impersonal constructions [В:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 215–229.
- Zaitseva V.A., 1993, Discourse theory and author-reader contract; the first person drafts of *Crime and Punishment* [В:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, II, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 243–265.
- Zaitseva V.A., 1994, The metaphoric nature of coding: Towards a theory of utterance, *Journal of Pragmatics*, № 22, с. 103–126.
- Zaitseva V.A., 1995a, *The Speaker Perspective in Grammar and Lexicon: The Case of Russian*, New York: Peter Lang.
- Zaitseva V.A., 1995b, Particles and subtext [В:] Yokoyama O.T. (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics*, III, Cambridge: Slavic Linguistics Colloquium, Harvard University, с. 213–233.
- Zaitseva V.A., 1999, Referential knowledge in discourse: Interpretation of {I, YOU} in male and female speech [В:] Mills M.H. (ed.), *Slavic Gender Linguistics*, Amsterdam: Benjamins, с. 1–26.